

АЛЕКСЕЙ ВАСИЛЬЕВ

академик РАН

ИСЛАМ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕКРЁСТКЕ

Большинством мусульман, если они не погружены в повседневные заботы о хлебе насущном и думают о судьбе своих стран и своего общества, текущие события воспринимаются в гораздо более широкой исторической перспективе, чем основной массой россиян, западноевропейцев или американцев.

С их точки зрения, в течение многих веков исламское общество было величайшей цивилизацией на земле, самой развитой, самой богатой, самой могущественной, самой творческой во всех сферах человеческой жизни. Мусульмане дали миру величайшие открытия в области математики, физики, медицины, географии, астрономии, социальных наук, философии. Мусульманские армии, проповедники, торговцы наступали повсюду в Азии, Африке и Европе, принося свою высшую цивилизацию и высшую религию “неверным варварам” или же “людям Писания” – христианам, евреям, а также зороастрийцам, которые “исказили” и “забыли” учение своих пророков.

Ислам, безусловно, нес творческое начало первые три-четыре века после хиджры*, впитывая элементы христианства, греко-римской античности, зороастризма, индийской цивилизации. За эти столетия он превратился не только в развитую систему религиозных догматов, но и систему права, государственности, этики, эстетики, бытовой и семейной регламентации, философии, культуры, искусства. Немногочисленные аравийские арабы оказались дрожжами для теста, искрой, воспламенившей хворост и зажегшей пламя качественно новой цивилизации.

И вот уже прошло более двухсот лет, как ситуация, по мнению многих мусульман, особенно арабов, решительным образом изменилась. Вместо того чтобы повелевать миром и христианами и демонстрировать высочайшие достижения в области науки, экономики, культуры, исламский мир оказался в зависимости от христианских держав, которые превосходят его в военном деле, технике, организации, богатстве. В результате рождается отчаяние из-за того, что, по представлению мусульман, происходит нарушение как естествен-

* Хиджра – переселение Пророка Мухаммеда и его последователей из Мекки в Медину в 622 г., от которого начинается исламское летоисчисление.

ных, так и божественных законов. Несмотря на формальное освобождение от колониальной или полуколониальной зависимости, ни одна из мусульманских стран не смогла вырваться вперед, приблизиться к Западу, как это сделали страны, принадлежащие к конфуцианской цивилизации с ее своеобразным менталитетом, психологией, организацией общества.

Чтобы показать, в каком кризисе находятся многие мусульманские страны, сравним социально-экономические показатели Египта и Южной Кореи. Сегодня эта попытка может вызвать улыбку, но в недавнем прошлом – в 1949 году – Египет превосходил Южную Корею по национальному доходу на душу населения. Средний египтянин тогда питался лучше среднего жителя юга Корейского полуострова. В 2010 году в Южной Корее валовой внутренний продукт на душу населения по номиналу (текущим ценам) был более чем в 7 раз выше, чем в Египте, а по паритету покупательной способности – в 5,5 раза.

Запад смотрел и смотрит на Восток с презрительным высокомерием превосходящей военной, экономической и технической мощи и общественной организации. Для полного сил и энергии Запада Восток был объектом колониальной экспансии, военного и экономического грабежа, и, если не считать формальную политическую независимость, полученную мусульманскими странами, многие из них остаются в таком же положении и в настоящее время.

Противоречивость ситуации заключается в том, что, несмотря на явный неуспех экономического, технического, материального развития, ислам переживает в наши дни период мощной экспансии и расширяет сферу своего воздействия от Южной Африки до берегов Волги, Рейна и Темзы, от западной оконечности Африки до Филиппин и от восточного до западного побережья Соединенных Штатов. По численности своих приверженцев ислам – наиболее быстро растущая религия наших дней.

Многие на Западе воспринимают мусульманский мир и как объект экспансии, и как угрозу.

Во время своего визита в Берлин в начале нулевых итальянский премьер-министр Сильвио Берлускони заявил на пресс-конференции: “Мы должны быть уверены в превосходстве нашей цивилизации, основывающейся на системе ценностей, которые обеспечили народу широко распространенное процветание в принадлежащих к ней странах и которые гарантируют уважение прав человека и религии. Можно с уверенностью сказать, что этого уважения нет в мусульманских странах. Поэтому Запад должен вестернизировать остальную часть мира и привлечь на свою сторону новые народы. Ему уже удалось сделать это в коммунистическом мире и части исламского мира, но, к сожалению, другая часть исламского мира отстала на 1400 лет. Поэтому мы должны быть уверены в силе и мощи нашей цивилизации”.

Хотя эти высказывания вызвали бурю протестов в арабском и мусульманском мире и замешательство и опровержения со стороны европейских лидеров, а Берлускони пытался извиниться под предлогом, что его не так поняли, на закрытом заседании Европейского союза он повторил: “Мы должны защищать нашу цивилизацию и пропагандировать ее преимущества”.

Другие “защитники Запада” не стесняются в выражениях. “Ислам, прощя говоря, – религия войны”, – пишут в брошюрке под названием “Почему ислам представляет угрозу Америке и Западу” два американских ультраконсерватора Пол Уэйрич и Уильям Линд. Линд заявил об американских мусульманах: “Их надо поощрять к отъезду. Они – пятая колонна в нашей стране”.

Оказалось, что до взвешенного, уважительного отношения к исламу и мусульманам, выработанного университетским сообществом США за последние два десятилетия, еще далеко и массовому общественному сознанию, да и многим СМИ. Университетские интеллектуалы, занятые изучением Ближнего и Среднего Востока и всего мусульманского мира, могли присягать на верность идеям, высказанным Эдвардом Саидом в его книге “Ориентализм”. Он обвинил тогда западных востоковедов в предвзятости и расизме, и после выхода в свет его труда в 1980 году среди исследователей стало как бы неприличным применять к мусульманским социумам исключительно западные мерки. Но до массмедиа и многих политиков эти интеллектуальные изыски доходят с трудом. А в глобализованном мире через телевидение и интернет даже отдельные проявления враждебности к исламу, вроде карикатур на Пророка,

становятся широко известными в мусульманских странах и усиливают антизападные настроения мусульман.

Если бы ислам в действительности представлял собой ту карикатуру, которую на него рисуют его враги, то как можно объяснить, почему он стал самой быстро растущей религией и в наши дни? Что привлекает новых адептов? Может быть, отсутствие иерархичности и глубоко распространенный эгалитаризм, который дает чувство достоинства и самоуважения последователям этой религии? Чувство гостеприимства, более распространенное, чем в других социумах? Институализированная система благотворительности для поддержки бедных? Хотя, как и любая другая религия, ислам проповедует недостижимые идеалы, пусть не на практике, но они все-таки существуют. Цитируем тех или иных мест из Корана, как из Евангелия или Библии, вырванных из контекста, можно объяснить всё что угодно.

Ни демонстративные встречи американских политиков с мусульманскими богословами, ни примирительный тон и осуждение Берлускони, ни заявления других европейских лидеров не в состоянии убедить мусульман в отсутствии растущей враждебности Запада по отношению к ним, к их ценностям, их убеждениям, их образу жизни.

А разве нередко встречающаяся скрытая или открытая антиисламская пропаганда в российских СМИ, которая приравнивает ислам к террору и отсталости, не действует в том же русле?

Вернемся снова к истории.

Многие века мусульманский мир жил несокрушимо убежденный в своем полном, несомненном и абсолютном превосходстве над “неверной” Европой. После божественной миссии Мухаммеда, “печати пророков”, христианство представлялось мусульманам цивилизацией заблудших людей, в лучшем случае достойных сожаления или опеки. Вплоть до XVI столетия мусульмане, торгуя или иным способом общаясь с европейцами, убеждались, что те не превосходят их ни научно-техническими достижениями, ни уровнем развития ремесел или сельского хозяйства. Правда, мусульмане знали поражения от “неверных” во время кончившихся крахом для завоевателей Крестовых походов в XI–XIII вв. и во время Реконкисты уступили аль-Андалус, вновь ставший Испанией и Португалией. Победа османского (мусульманского) оружия над “неверными” сделала для них смехотворной саму мысль о том, что у более слабого противника можно чему-либо учиться, что-либо перенимать. Все свое было совершенным, мудрым, добродетельным, все чужое – жалким, нелепым, отвратительным, греховным. Мощные жизнеспособные ростки новой западной цивилизации, начавшееся Возрождение, а затем Реформация не были замечены на Востоке.

Военные поражения турок в XVII–XVIII вв. от рук австрийцев и русских, поражение империи Великих Моголов в Индии от рук англичан, вторжение гренадеров Бонапарта в Египет, общий экономический упадок мусульманского мира заставили мусульман задуматься над своим общественным устройством и путях развития своего общества. Мусульмане убедились в превосходстве военной организации “неверных”, и копирование европейских (западных) военных образцов в попытке создать соответствующие западным стандартам вооруженные силы остается вплоть до сегодняшнего дня наваждением и головной болью правителей многих мусульманских государств. В первой половине XIX века решение этих задач, конечно, было проще, чем во второй половине XX или начале XXI века. Египет, например, с помощью европеизации армии, военных уставов и школ, использования бывших наполеоновских инструкторов, инженеров, строительства военных заводов и верфей превратился в первой половине XIX века в самую мощную военную силу Ближнего Востока и был разгромлен лишь в результате совместного вмешательства европейских держав.

Превосходство европейской научно-технической мысли уже 200 лет назад было настолько очевидным, что честные, думающие мусульмане могли сделать только один вывод – необходимо учиться у Европы математике, физике, химии, инженерному делу, медицине, промышленности, строительству, короче говоря, всему комплексу научно-технических знаний. Это признали даже многие улемы-богословы.

Но возник вопрос: как быть с социальной организацией, политической структурой, правом, идеологией, местом и ролью человека в обществе, по-

ложением женщин, литературой, искусством, обычаями? Существуют ли военные и научно-технические достижения сами по себе и можно ли их брать изолированно, не нарушая чистоты своей веры, основ своей цивилизации, или они – плоть от плоти, кровь от крови западной цивилизации в самом широком смысле? Но если признать превосходство Запада в социальной и духовной жизни и начать ему подражать, не подорвет ли копирование столпы веры и прежние социальные порядки? По этим вопросам мнения в мусульманском мире разделились уже более двухсот лет назад. Спор между сторонниками “озападнивания”, европеизации, модернизации, а сейчас – американизации, глобализации и ревнителями национальной, религиозной самобытности, особого “исламского” пути развития не прекращается до сегодняшнего дня.

“Крайние” западники призывали брать всю европейскую цивилизацию с ее розами и шипами и, отряхнув прах веков со своих ног, оттолкнув все исламское наследие как отжившее прошлое, идти по дороге полного и безусловного копирования Запада во всех сферах – от социально-политической и правовой до культуры, литературы и искусства. Дальше всех по этому пути зашла Турция Мустафы Кемалю Ататюрка. В других странах тоже были его сторонники, но нигде их голос не звучал достаточно весомо и авторитетно.

Однако все более мощно и уверенно в мусульманских странах раздавались призывы традиционалистов, которых в англосаксонской литературе и печати в 70–80-е годы XX века стали называть “фундаменталистами”, во французской – “интегритами”, а сейчас все чаще называют “исламистами”. В арабской литературе их нередко именуют “салафитами”.

Для традиционалистов Коран и Сунна – начало всех начал и конец всех концов. По их мнению, мусульманский мир пришел в упадок не потому, что опоздал вступить на западный путь развития, а потому, что забыл “истинную веру”, учение Пророка и праведных халифов, впал в грехи, морально деградировал. Возвращение “золотого века” должно принести не обезьянье копирование Запада, не попытки “осовремениться”, а обращение к первоисточникам, к истинному исламу, к Корану и “неповрежденной Сунне”. Возрожденная вера, повенчанная с западной технологией, должна вернуть исламскому миру военную мощь, достоинство, самоуважение, процветание.

Между крайними направлениями безоговорочного принятия западной цивилизации и полного ее отрицания существовало множество течений общественно-политической мысли и практики, отнюдь не разделенных глухой стеной. Одни считали, что, сохранив нетронутыми основы веры, нужно модернизировать ее, приспособить к требованиям эпохи, осознанно или неосознанно создавая социально-экономические, политические и идеологические рамки для возможного капиталистического развития. При этом использовался давно известный способ – по-новому интерпретировать старые положения Корана и Сунны, доказывая, что все новейшие идеи уже давным-давно были изобретены самими мусульманами.

Самыми крупными фигурами этого направления на рубеже XIX–XX вв. были Джамаль эд-Дин аль-Афгани, оказавший влияние на Османскую империю и Египет, на Иран и мусульманскую Индию, и его египетский последователь, оригинальный религиозный мыслитель Мохаммед Абдо.

Аль-Афгани был отцом панисламизма – идеи объединения мусульманских народов под началом всемусульманского правительства, возглавляемого османским султаном-халифом. Объединившись, мусульмане смогут противостоять колониальным устремлениям христианского Запада. Когда укрепится независимость, потребуется осовременить ислам ради обеспечения прогресса и процветания мусульман. Аль-Афгани был сторонником заимствования у Европы не только научно-технических, но и некоторых светских знаний и выступал за зачатки парламента и конституции. Вероучитель защищал право каждого мусульманина на свободное толкование Корана.

Но если его религиозные и социальные идеи были пронизаны духом реформации, то его политические лозунги оказались подходящими для махровой реакции, и османское правительство стало размахивать ими как знаменем, стремясь сохранить или даже расширить разваливавшуюся Османскую империю.

Параллельно с Аль-Афгани и Абдо в России выросла фигура мусульманского мыслителя-обновленца Исмаила Гаспринского, который в других выступлениях выступал за реформацию, за обновление ислама, но в рамках сожительства разных народов и религий в Российской империи.

Другие реформаторы, как правило, получившие западное образование и создавшие либеральное направление, полагали, что, сохранив религию в сфере культа, морали, может быть, семейного права, нужно следовать западной модели в социально-политической области, имея в виду сделать ее достоянием верхов, элиты, а религию оставить для того, чтобы держать в узде массы.

Развитие мусульманской общественной мысли проходило в странах, которые отнюдь не были изолированы от внешнего мира. Запад – не миролюбивый, доброжелательный сосед за забором. За ним нельзя было просто наблюдать, изучать его, спокойно прикидывая, что подходит из его опыта, а что – нет. Запад бесцеремонно ворвался в мусульманские страны своими займами, товарами, прямой военной оккупацией в XVIII, XIX и в первой половине XX в. Запад пришел не как филантроп, не как старший брат, протянувший руку помощи отставшим народам, не для того, чтобы поднять их на уровень своей цивилизации, а как циничный эксплуататор и грабитель, который обеспечивал прогресс только в том случае, если он был выгоден метрополии, и препятствовал прогрессу, если он ей был невыгоден.

Прекраснодушные иллюзии мусульманских либералов разбились вдребезги при столкновении с голым хищничеством Запада. Поэтому с XIX века до наших дней образ Запада в глазах мусульман противоречив, двойственен: Запад – и соблазнительный пример для подражания, и ненавистный угнетатель-эксплуататор и агрессор. Раздвоение оценок самих себя и внешнего мира привело к противоречивому сочетанию комплекса неполноценности по отношению к Западу с комплексом превосходства мусульманина над любым христианином.

Взгляды либералов формировались под воздействием Гоббса, Локка, Руссо, Сен-Жюста, Вольтера, Монтескье. Для мусульманской действительности даже Монтескье звучал достаточно революционно. Один из имамов египетских западников Ат-Тахтави так комментировал конституционную хартию Людовика XVIII: “И хотя то, что она (хартия) содержит, что вы не сыщите ни в Коране, ни в Сунне, вы, однако, поймете, что справедливость и правосудие суть средство обеспечить благосостояние государства и народа”. Либералы заметили новый для себя термин “свобода”. Для мусульманских правоведов термин “свобода” означал лишь юридическое состояние, противоположное рабству. Вслед за английскими и французскими мыслителями либералы стали считать свободу естественным состоянием человека, которое обеспечивает равенство людей перед законом, право на собственность. Поэтому власть не может быть неограниченной, не может быть оправдана ссылкой на волю Аллаха. Она должна быть ограничена представительным парламентом.

Напомним, что, с точки зрения мусульманских правоведов, источник власти и закона – Аллах. С точки зрения идеологов Французской революции, источник власти и закона – нация. Хотя и то и другое положение – юридическая фикция, между двумя системами политической мысли и государственного права лежит пропасть.

Однако, когда дело дошло до практики, оказалось, что конституция и либеральные лозунги были словами, в лучшем случае отвечавшими нуждам верхов и модернизированного сектора мусульманского общества, полукOLONиального капитализма, в худшем – просто “пиаром”. Зависимость от Запада принимала новые формы.

Буржуазная модернизация отвергалась абсолютным большинством населения исламских стран именно потому, что она означала усиление его эксплуатации и прямого ограбления и ассоциировалась в глазах масс с иностранным господством. Культурные и политические идеалы “западников” оставались чуждыми и враждебными массам и антизападно настроенной части элиты.

Само капиталистическое развитие, которое происходило в мусульманских странах в 20–40-х годах XX века, было деформированным, болезненным, уродливым, антинациональным. Такая ситуация привела к антизападным революциям в ряде этих стран прежде всего на основе новой идеологии национализма. Но одновременно она послужила стимулом мощного возрождения религиозно-политических движений.

Революционно-авторитарные эксперименты в разных странах отличались своей длительностью: например, они продолжались в Египте полтора десяти-

летия, в Сирии или Ираке – несколько десятилетий. Многие эксперименты имели социалистическую окраску.

Само понятие “национализм” принадлежит Новому времени, и оно импортировано в мусульманский мир из Европы. Оно – побочное дитя Французской революции, хотя слово “нация” гораздо старше.

У мусульман ни того, ни другого понятия не существовало. Слово “умма”, ставшее арабским эквивалентом “нация”, несет на себе печать двусмысленности. Этим словом как раньше, так и теперь обозначают общину верующих. Само слово “национализм” арабы произвели от слова “шум”, которое означает группу племен, народ и в лучшем случае переводится современным понятием “этнос”. В арабском языке наиболее близко к “национализму” понятие “асабия”, которое ввел в оборот Ибн Хальдун – великий магрибинец, отец арабской политологии и социологии, живший в XIV–XV вв. Но теперь это слово означает племенную солидарность, верность племени, роду, большой семье, их интересам, обычаям, традициям, а также соответствующий кодекс поведения.

Родина арабского национализма – Сирия, Ливан и в какой-то степени Ирак. В Египте в течение первой половины XX века господствовал египетский, а не арабский национализм, к которому вернулись во времена Анвара Садата. В политической форме движение арабских националистов разбилось на три потока. Один из них можно (хотя и не без поправки на национальные особенности) назвать марксистским: в Южном Йемене Движению арабских националистов удалось создать полукоммунистическое государство, которое рухнуло в начале 90-х годов. Вторым потоком был баасизм в Сирии и Ираке, и третьим – насеризм, остатки которого существуют в Египте. Поражение арабов в войне с Израилем в 1967 году стало началом конца национализма в прежнем виде.

Еще в 20–30-е годы Мустафа Кемаль Ататюрк, основатель современной Турции, мог провозглашать: “Мы будем следовать по пути к цивилизации и придем к ней. . . Те, которые задержатся, будут затоплены ревущим наводнением цивилизации. Цивилизация – такой сильный огонь, что тот, кто его игнорирует, будет сожжен и разрушен. . . Мы будем жить как прогрессивная цивилизованная нация”. Для кемалистов “цивилизация” означала турецкий национализм и бескомпромиссную европеизацию. Ататюрк служил примером и для неудачных попыток модернизации в Афганистане и псевдомодернизации в Иране. Его деятельность внимательно изучали насеристы и баасисты.

Но ислам и в самой Турции оказался отнюдь не “мертвой рукой прошлого”. Приход к власти в Турции исламистов в наши дни наглядно демонстрирует, насколько глубоко мусульманские чувства и в этой стране. Как показывает политическая практика Партии справедливости и развития, умеренным турецким исламистам в целом удастся совмещать свои взгляды с курсом на модернизацию страны в экономике, внутренней и внешней политике.

После Второй мировой войны уходила в прошлое эра старого колониализма, колониальных империй. Пришли в движение миллиардные массы азиатов и африканцев. В боли и муках, иногда с кровью и жертвами, с успехами и провалами рождался новый мир. Популистские лидеры бросали в массы лозунги возвращения национального и человеческого достоинства, политической независимости, экономического развития, социального и расового равенства. Для многих из них капитализм, свободный рынок ассоциировались с колониализмом и унижительным прошлым, а враг Запада – Советский Союз казался естественным союзником и символом прекрасного будущего. Разве не доказал он свою вселенскую историческую роль великой победой над нацистской Германией? Разве не демонстрировал свою мощь грохотом танков на военных парадах и запуском космических ракет? Разве он не развивался, с их точки зрения, экономически быстрее Запада? Разве не стал высокообразованной страной?

Элементы советской социалистической модели, подлинные и воображаемые, эффективные и обреченные на провал, стали проникать в лозунги и практику многих стран “третьего мира” с самыми различными политическими и социальными системами.

Государственный сектор в экономике – это тысячелетняя традиция стран мусульманского ареала, унаследованная мусульманской цивилизацией от предыдущих эпох. В Египте или Иране власть-собственность, или в переводе на наш язык – государственный сектор в экономике, существует уже тысяче-

летия, с самого возникновения древних цивилизаций. Подражание Советскому Союзу родило атакюркистский этатизм в Турции, насеровский эксперимент в Египте и баасистский – в Сирии и Ираке.

Гамаль Абдель Насер взял на вооружение антизападную (антиимпериалистическую) идеологию и стал почти союзником СССР. Президент Египта нарушил западную монополию на поставки оружия на Ближний Восток, закупив советское оружие через Чехословакию, затем национализировал Суэцкий канал. В ответ на это была совершена тройственная англо-франко-израильская агрессия 1956 года, остановленная как осуждением со стороны США, так и блефом Никиты Хрущёва, который намекал на возможность ядерного удара по агрессорам, никогда не собираясь применить его на деле. Всемирный банк не дал кредита на строительство высотной Асуанской плотины, которая спасла бы Египет от голода, его предоставил Советский Союз, и плотина вместе с мощной электростанцией была построена, значительно увеличив посевные площади Египта. (К слову сказать, Египет даже после Насера при Анваре Садате полностью расплатился за все советские поставки – как за строительство высотной Асуанской плотины, так и за оружие.)

Но Насер создал военно-репрессивный режим, не терпящий ни оппозиции, ни инакомыслия. Какое-то время в концлагерях были вместе и коммунисты, и “Братья-мусульмане”, их били и пытали. Затем некоторых коммунистов освободили и кооптировали в органы власти и пропаганды.

Насер проиграл войну с Израилем в 1967 году, что надломило его здоровье и позиции Египта в арабском мире. Новый президент Анвар Садат установил правую военную диктатуру, начал возвращать собственность, конфискованную у крупных предпринимателей, переметнулся на сторону США. Он начал в союзе с Сирией войну с Израилем, которая в первые дни благодаря внезапности удара и предварительной подготовке войск советскими офицерами и поставкам советского оружия и техники была успешной. К концу военных действий Египет оказался вновь на грани поражения. Война кончилась вничью, что в тех условиях означало победу Египта и Сирии и поражение Израиля. Впоследствии при посредничестве американцев он заключил мирный договор с Израилем, фактически отказавшись от поддержки дела палестинцев, но вернув в демилитаризованном виде египетскую территорию – Синайский полуостров.

Садат был убит в 1981 году мусульманскими экстремистами во время военного парада. Вице-президент Хосни Мубарак во время этого нападения чудом уцелел и стал президентом Египта. Перед своей смертью Садат пытался подавить всю оппозицию, бросив в тюрьму и коммунистов, и насеристов, и представителей коптов, и часть “Братьев-мусульман”. Именно из отколовшейся от “Братьев-мусульман” группировки вышли будущие убийцы Садата.

... Прошли десятилетия. Политический колониализм исчез, но новые пути зависимости – экономической, технологической, информационной – сковали “третий мир”. Наибольших успехов достигли лишь немногие из тех, кто пошел по пути рыночной, а не советской экономической модели. Но среди оказавшихся впереди почти не было мусульманских стран. Для многих расцвет оказался ложным. Рухнул и распался Советский Союз. И все же осталась мечта о человеческом и национальном достоинстве, лучшем будущем, социальной справедливости, которую символизировала эпоха Насера, Сукарно, Нкрумы, Ньерере. За исключением небольшого числа последователей этих лидеров, она трансформировалась в активизацию мусульманских политических движений.

Правда, были еще группы радикально настроенной молодежи, которые оказались левее и националистов, и коммунистов, и кемалистов. Они бредили революцией и мечтали разрушить существующий порядок, смутно представляя, каким должен быть новый. Многие из них привыкли видеть себя в западном зеркале, мерить себя западными мерками, впрочем, отрицая это. Левые радикалы смотрели на себя глазами западных “новых левых”.

Свою задачу молодые “леваки” в Турции, в арабских странах, в Иране видели в том, чтобы стряхнуть с себя бремя традиций, перестроиться, создать психологические предпосылки для революционных действий и глубоких социальных перемен. Молодые радикалы восхищались фаустовским аспектом западной цивилизации, считая, что она способна отрицать прошлое во имя будущего и заставлять людей двигаться и работать.

Отвергая империализм и неоколониализм, эксплуатацию и коррупцию,

они предлагали взять от Запада рационализм, научный подход к понятиям и явлениям. Накопление современного вооружения — современных машин — это еще не приобщение к современности, считали они. Необходим определенный настрой ума, главное — человеческий фактор. “Арабы, — писал сирийский мыслитель Садек аль-Азм, получивший образование в США, — импортировали продукцию научного творчества, но они не смогли уловить динамику отношений между человеческим бытием и материей, которая требует научной ориентации... Арабы потребляют, но не производят. Импортированные машины увеличивают отчуждение индивидуума от общества. Арабы имитируют потребление Запада, но не производство. Они вступают в контакт со вторичными продуктами науки, но они далеки от социального прогресса, который сделал возможным научный прогресс. Однако социальный прогресс невозможен без социальной революции”.

Левых радикалов объединяло презрение к традициям: их, говорили они, необходимо отбросить, если люди хотят преодолеть свое нынешнее положение, свою отсталость. Для них либерализм был анафемой, синонимом западного колониализма, а исламский фундаментализм — мрачной силой средневековья. Националистические идеи, по их мнению, потерпели неудачу.

Однако фразеология западных “новых левых”, завораживавшая арабских “леваков”, падала на уши, заткнутые воском, как только достигала масс. Их идеи вызвали восторг десятков, сотен, может, тысяч последователей, но в тысячу раз громче звучали призывы муэдзинов с мечетей и возгласы “Аллах акбар!”.

События в Иране, победа народно-мусульманской революции над шахом и его американскими покровителями, естественно, не могла не вызвать отклик в душах последователей ислама в других странах, хотя дальнейшее развитие событий принесло разочарование и у многих даже ненависть к “муллократии”, сложившейся в Иране. При этом следует иметь в виду, что религиозная ситуация в суннитских странах не совпадает с иранской, поскольку там все шиитское духовенство исторически находилось в оппозиции к светской власти, считая ее незаконной. Большинство суннитского духовенства — неотъемлемая часть государственного аппарата. В оппозиции к властям в определенные периоды становится народный ислам, ислам масс, но не мусульманский истеблишмент.

Однако и в иранском, и в турецком, и в египетском обществах существует ясно выраженный культурный дуализм, или дуализм цивилизаций, который несет в себе элементы неустойчивости. Они тем более очевидны, когда традиционные, а точнее неотрадиционные, и современные (или псевдосовременные) структуры существуют в обществе одновременно, когда рядом с большой семьей, религиозной или сельской общиной функционирует современная, ориентированная на рынок и извлечение прибыли структура. Положение становится невыносимым, когда вторые существуют за счет первых.

Если для носителей традиционной культуры, религиозных убеждений и ценностей ненавистны те, кто перестал быть самим собой и пытается влезть в кожу “западников”, то массы, разделяя эти чувства, больше озабочены хлебом насущным. Многим из них чужды и враждебны рыночная экономика, лозунг “прибыль превыше всего”, капиталистическая модернизация (псевдомодернизация). И первые, и вторые обращаются “к нетленным ценностям ислама” как образу жизни, идеологии, знамени политической борьбы.

Возрождение и влияние традиционных, точнее неотрадиционных, общественных структур, их идеологии имеют весьма прагматичное значение для любого политика. На политическую арену стали выходить широкие массы, раньше бывшие где-то за скобками общественной борьбы. Они принесли свой язык, свою систему символов, убеждений, предрассудков, свою политическую культуру. Народная культура в целом оказалась более устойчивой, чем могли предполагать модернисты самых разнообразных цветов и оттенков — от коммунистов до прозападных либералов.

Представление об исламе как просто о “мертвой руке прошлого” оказалось идеологически наивным и политически близоруким.

Президент Египта Анвар Садат попытался объединить рыночные реформы — инфитах* — с поддержкой умеренных исламистов. Он порвал с Советским Союзом и заключил мир с Израилем.

* Инфитах — политика “открытых дверей”, либерализации экономики.

Садат отказался от курса на полусоциалистические эксперименты, попытавшись ввести Египет в лоно рыночного хозяйства. Дело оказалось трудней, чем он предполагал. Но бывший крестьянин и офицер все же не натворил столько ошибок, сколько наделали лихие российские рыночники. В политике дело оказалось сложнее, и мир с Израилем стоил ему жизни. Он погиб от рук исламистов.

Реформы с социалистической окраской, упор на государственный сектор, на мобилизацию масс – все это было отброшено во имя политики либерализации. Однако, хотя либерализация иногда дает экономические и социальные плоды, она отвергается теми, за счет кого она проводится, кто несет материальные и духовные жертвы. Вместо националиста или патриота на пьедестале оказывается выжига-спекулянт. Пропаганда утверждает, что либерализация может приобщить мусульманские страны к современной технологии и катапультировать их в сообщество развитых стран без серьезных преобразований, без решения острейших социальных проблем. Слова остаются словами, а прожекты – следами на песке, которые затягивает даже легкий ветер реаллий.

Массы с недовольством или отчаянием смотрят и на паразитизм прослойки нуворишей (в Египте их называют “жирными котами инфитаха”), и на их увеличивающийся разрыв с религиозными и национальными традициями, на американизацию их быта, манеры поведения, взглядов, привычек. Активное неприятие этой тенденции во многом способствовало возникновению “цунами революций” в арабском мире.

У исламистов, умело воспользовавшихся настроениями масс, всё другое – логика поведения, лозунги, символы, система ценностей. В целом это другой мир. В нем не остается места для светских деятелей любой окраски. Феномен реисламизации охватил все страны – и традиционного ислама – от Египта и Туниса до Пакистана и Индонезии, и страны нового ислама, например, северную часть Нигерии. Растаяли, как мираж в пустыне, старые идеологические клише – “величие древних иранских империй”, “слава 16 турецких империй”, идеи “арабского единства” или “фараонизма”, лозунги об освобождении “третьего мира”. Оказалось, что иные чувства терзают обездоленных людей, вырванных из привычной среды, поселившихся в трущобах Каира и Стамбула, Тегерана или Алжира. Их не захватывают – во всяком случае, надолго – эти лозунги и мифы. Они думают о куске хлеба, жилье, школах, поликлиниках, о работе, о справедливости и надеются на лучшую жизнь. Им легче жить в скорлупе традиций, религиозных убеждений, ритуалов. Для них лозунг “ислам – решение проблем” не пустой звук.

Их лидерами, властителями дум становятся отнюдь не безграмотные люди, а интеллектуалы или полуинтеллектуалы, нахватавшиеся знаний или полужнаний, глубоко уязвленные униженным положением своего общества, полные религиозного рвения, готовые к политическим действиям. Они готовы жертвовать собой, но в еще большей степени – жертвовать другими. В них еще острее, чем раньше, переплетаются чувства неполноценности по отношению к Западу, зависти к западному образу жизни и “потребительскому обществу” с вековой мусульманской убежденностью в собственном превосходстве над “неверными” и стремлением устроить общество по образу и подобию “золотого века” ислама. Для них ясен ответ на старый вопрос, над которым мучились исламские мыслители начиная с XIX века: что брать на Западе, технические достижения или общественное устройство, нравы, культуру, искусство? Только технику, только военную организацию, только компьютеры – ничего другого, имеющего западное происхождение, им не нужно. Их общество – политическая и социальная организация, культура, мораль, эстетика, искусство, право – должно быть другим.

Правда, при категорическом ответе на этот вопрос сразу возникают разногласия, отнюдь не только в нюансах. Давать или не давать женщинам образование? Допускать или не допускать их на работу? Смотреть или не смотреть телевизор? Подчиняться или нет правилам международного поведения, международному праву, которое было выработано без их участия? Как вести себя в условиях глобализации при свободном движении капиталов, информации, товаров? Обеспечить или нет доступ гражданам в интернет? Разрешать или запрещать поездки на соблазнительный, но враждебный, коррумпированный Запад?

Религиозные экстремисты и умеренные исламисты фактически оттеснили с ведущих позиций в обществе своих естественных противников – и мусульманских модернизмов, и прозападно настроенных либералов, и социалистов, и националистов. Свои лозунги они выдают за чудодейственные рецепты избавления от нищеты, экономической, культурной, информационной зависимости от Запада. Они стали определять общий интеллектуальный настрой общества. Многие светские интеллектуалы обнаруживают, что стали чужими у себя дома, и эмигрируют или подделываются под господствующие религиозные цвета.

Выражением фундаменталистской тенденции стала организация “Братья-мусульмане”, возникшая в Египте в конце 20-х годов. Она появилась в период, когда в общественной мысли господствовали идеи либералов-западников, когда известнейший писатель и мыслитель, “декан арабской литературы” Таха Хусейн опубликовал книгу “Будущее культуры в Египте”, ставшую манифестом либеральных египетских “западников”. Он выразил желание элиты народа, находящегося в зависимости от Запада, быть принятым миром, который господствовал над ним, желание использовать для оправдания своей самобытности культурную мимикрию, уничтожая границы между Египтом и его оккупантами и утверждая, что Египет – часть Запада.

Манифест либерализма, написанный Таха Хусейном, вызвал яростные возражения набиравших силу мусульманских фундаменталистов. Другой египтянин – Сейид Кутб, религиозный политический мыслитель, ставший потом лидером ассоциации “Братья-мусульмане”, ответил Таха Хусейну, что разделение мира на Восток и Запад поражает своей ограниченностью и неполнотой. Прозападный либерал забыл целый мир, который имеет свое мировоззрение и целостность, – мир ислама. Именно к этому миру принадлежит Египет, а все остальное – от лукавого.

Сейида Кутба давно нет в живых. Он был вдохновителем выступлений против режима Гамалы Абдель Насера и сгинул в насеровской тюрьме, но мировоззрение, которое разработал его учитель Хасан аль-Банна, основатель ассоциации “Братья-мусульмане”, получает все большее распространение. Им вторил другой исламский мыслитель – пакистанец Мадуди. Призывы основателей современного исламского фундаментализма привлекают сторонников среди набожных юношей и девушек в многочисленных университетах тем, что они дают ответы, или точнее – убедительную видимость ответов, на сложные проблемы общества, оказавшегося в тупике.

Экономические беды, диспропорции, коррупция, усиление социального неравенства, распад старого общества и отсутствие видимой альтернативы ему, неспособность режимов защищать национальную самобытность – все это вносит смятение в души людей. Американизация, навязываемая массовому сознанию телевидением, открывает мир, настолько чуждый и недоступный большинству, что вызывает протест, отталкивание, заставляя людей искать чего-то устойчивого, постоянного, своего.

Борьба за сохранение ислама, по мнению “братьев”, это главная задача мусульман. Она важнее всех других социальных, экономических, политических целей. Давление на ислам коммунизма, а затем, в гораздо большей степени, Запада ставило целью лишить мусульман их истории, их идентичности и, в конце концов, их способности сопротивляться враждебному наступлению. Задача западных стран состоит в том, чтобы разграбить ресурсы мусульманского мира и разрушить ислам – единственную силу, которая может бросить вызов гегемонии Запада.

Дело не только в “Братьях-мусульманах”. Спектр тех, кто апеллирует к исламским ценностям, живет надеждой на возвращение “золотого века” ислама, широк. Только в Египте существует почти сотня религиозных организаций различного толка с разной долей политизации. В исламском мире их тысячи.

“Коран – наша конституция!” – провозгласил Хасан аль-Банна в середине 30-х годов. И этот лозунг с таким же энтузиазмом повторяют сегодня.

Но как можно приспособить законы, созданные 10–13 веков назад, к проблемам сегодняшнего дня? Не слишком ли противоречит строгое применение шариата реальностям нашей эпохи, общества, вступившего в XXI век? Нет, утверждают “братья”, предлагая вновь “открыть двери иджихада”. Под этим термином подразумевается право юристов-богословов выносить суждения о явлениях общественной жизни, не охваченных шариатом. В конце третьего

века хиджры, когда было кодифицировано мусульманское право, “двери иджитхада” были закрыты, потому что предполагалось, что новые правовые нормы незачем создавать. Обращение к иджитхаду должно было открыть возможности гибкого применения мусульманского права к потребностям эпохи.

Даже представители самой ортодоксальной из четырех правоверных школ мусульманского права – ханбалиты, которых их противники часто называют “ваххабитами”, считают, что возможность для иджитхада существует. Есть несколько уровней применения права: действия, которые Аллах предписывает, действия, к которым он относится благожелательно, действия, которые он не одобряет, и действия, которые он запрещает. Но вне этих норм лежит “серая зона”, то есть зона правовых норм, не охваченных велением Аллаха, в которой Аллах как бы нейтрален. Это позволяет юристам на основе иджитхада вводить новые правовые нормы, ибо они не противоречат первым четырем группам. Поэтому можно вводить и правила дорожного движения, и космическое право, и авиационное право, и новые торговые кодексы.

Любопытным ответом мусульманских правоведов и практиков-финансистов на вызовы эпохи стало создание так называемого исламского банковского дела. Мусульманское право запрещает банковский ссудный процент как незаконную прибыль, поэтому придумана формула, по которой вкладчик банка как бы несет вместе с банком, в соответствии с согласованными пропорциями, ответственность за удачу или неудачу банковской деятельности, за его вклады, например, в промышленное производство. Если эти инвестиции дают прибыль, она соответственным образом делится между вкладчиком и банком, если инвестиции убыточны, то финансовые потери тоже делятся между ними. Конечно, речь идет лишь об упрощенной схеме.

Когда европейцы и американцы пришли в мусульманские страны, они, как считают фундаменталисты, принесли с собой не только свои законы, школы, языки, науки, но также “вино, женщин и грех”. Внедрение традиций и ценностей Запада разложило общество, принесло аморальность и разрушило унаследованные традиционные ценности мусульманского общества. Социальная и семейная жизнь была коррумпирована “низменным” кино, театром, радио и музыкой. Моральные и социальные проблемы молодежи имеют прямое отношение к “обнаженным” женщинам на улицах, “грязным” фильмам, соблазнительной музыке, неконтролируемой прессе, разрешению употребления вина. Женщины потеряли свои мусульманские достоинства из-за нескромного участия в вечеринках и танцах, которые сопутствуют современной официальной и неофициальной жизни. Почему? Потому, что “так ведут себя европейские женщины, а мы хотим уподобиться Европе во всех отношениях”. Вследствие этого мусульманское общество разорвано между исламским и западным образом жизни. Некоторые остались мусульманами, другие “перезападнили” “западников”. “Братья” утверждают, что атака на мусульманскую семью была важным средством в арсенале внутренних и внешних врагов веры.

Заметим на полях, что наиболее важной особенностью “исламской одежды” во всех ее формах была идея о соответствующем сексуальном поведении, которое эта одежда выражала. По мнению “братьев”, мусульмане – мужчины и женщины – не чурались сексуальности, но она была легитимна для обоих полов только в браке. Поэтому мужчины и женщины должны были носить свободные одежды, которые скрывают контуры тела.

Состояние мусульманских стран в глазах “братьев” было удручающим. Религиозное безразличие, коррупция в многочисленных обличьях привели общество к психологическому и идеологическому хаосу. Европейская цивилизация решительно вторглась в разложившуюся и ослабленную мусульманскую общину и оставила ее в руинах. Европейская цивилизация коррумпировала мусульман. Она парализовала силу нации, человеческое достоинство, нарушила дух религии. Такая ситуация невыносима. Причем до распада СССР “братья” понимали под Западом как капиталистический мир, так и Советский Союз и его союзников.

Капитализм был эквивалентен беспардонному индивидуализму и, таким образом, социальному хаосу, а коммунизм – атеизму. Обе системы были материалистичными. Распад Советского Союза сфокусировал ненависть “братьев” на Западе.

“Изгоните империализм из ваших душ, и он оставит ваши земли”, – призывают “братья”. Они вспоминают предупреждения Сейида Кутба о том, что

подлинная опасность лежит в духовном и интеллектуальном империализме потому, что в отличие от военного и политического империализма, который рождает оппозицию, этот тип империализма усыпляет, успокаивает, обманывает свои жертвы.

Постоянным раздражителем, способствующим увеличению отчужденности мусульман от Запада, остается палестинская проблема и поддержка Израиля Западом, особенно Америкой. Судьба первой киблы (первоначально мусульмане обращались с молитвой по направлению не к Мекке, а к Иерусалиму) – Иерусалима будоражила мусульманское общественное мнение и способствовала все большей радикализации даже официального религиозного истеблишмента.

“Братья” рассматривают Палестину не только как объект “сионистской агрессии”, но и как “первую линию” защиты арабской нации, арабской родины. Она – сердце арабского мира, узел, связывающий мусульманские народы.

Противники египетских исламистов обвиняют их в использовании шиитской практики такыйя (сокрытие истины). После столетий жизни под гнетом суннитских правителей шиитам было позволено при соблюдении определенных обрядов говорить одно, а практиковать совсем другое, тайно соблюдая свою веру. По мнению светских деятелей, и радикальные организации боевиков-террористов, и менее радикальные группы, ведающие больницами и школами, и “Братья-мусульмане”, и мусульманские инвестиционные компании, и часть улемов – все они объединены стремлением заменить светское государство религиозным, основанным на законах шариата. А публичное отрицание этих целей лишь форма такыйи. В несколько другой фразеологии точно такие же обвинения предъявляются и турецким исламистам.

Официально руководство “Братьев-мусульман” в Египте перешло в руки умеренных деятелей, выступавших за взвешенную политику. Это противоречит решительным, боевым идеям Сейида Кутба, который выступал за смену государственного устройства путем насилия, и именно так думают активные, нетерпеливые, беспощадные молодые люди. Как и Сейид Кутб, они убеждены, что мусульманин, не придерживающийся мусульманских обычаев, поведения, убеждений, – на деле кяфир (гяур), “неверный”, что египетское общество ввергнуто в состояние джахилии*. А джахилия и ислам на одной земле, в одном обществе несовместимы. Подлинные мусульмане должны обратиться к джихаду, который в их толковании является вооруженной борьбой против “немусульманского правления”, которое руководствуется не шариатом, а светскими законами.

Активную роль в экстремистских мусульманских организациях играют так называемые афганцы.

Афганистан в 80-е годы стал мощным катализатором фундаменталистских и экстремистских движений в мусульманском мире. Тысячи добровольцев из многих мусульманских стран влились в ряды афганской оппозиции. Большинство из них работали в школах, больницах, гуманитарных организациях.

Несколько тысяч принимали участие в боевых действиях против советских и правительственных войск. В рядах вооруженной афганской оппозиции был и саудовский миллиардер Усама бен Ладен.

ЦРУ финансировало (вместе с Саудовской Аравией), вооружало и обучало исламистских боевиков в Афганистане, не сознавая, что оно, подобно доктору Франкенштейну, взращивает своего рода коллективное чудовище, которое позднее обратит оружие и против США.

После вывода советских войск из Афганистана тысячи “арабских афганцев” стали возвращаться в Алжир, Египет, Тунис, Судан, Саудовскую Аравию. Прошедшие военную подготовку и обстрелянные в боях, пропитанные воинствующим исламистским духом, не умеющие ничего делать, кроме как воевать, они стали костяком экстремистских группировок.

Конечно, экстремистское крыло мусульманских фундаменталистов, в том числе и то меньшинство, которое прибегает к террору и готово действовать террористическими методами, – это объективный результат развития исламистских движений.

Но ситуацию обострило то обстоятельство, что Вашингтон в течение нескольких десятков лет был сторонником именно исламского фундаментализ-

* Джахилия – эпоха “невежества” арабов до появления Пророка Мухаммеда.

ма, так как тот выступал, с одной стороны, против антизападных, националистических, революционно-авторитарных режимов, а с другой – против коммунистов и Советского Союза. США прямо или косвенно поддерживали “Братьев-мусульман” в Египте, исламских экстремистов в Афганистане, Исламский фронт спасения в Алжире. Эту практику они пытаются возродить и сегодня. Радикальные исламские организации вполне легально действуют в Великобритании и Швейцарии, Германии и Италии, Франции и Испании.

Считая себя защитниками мусульманской общины от наступления сил секуляризма и модернизма, ведущих тотальную войну против ислама, исламские фундаменталисты отвечают тотальной борьбой против источника или представителей зла.

Их воинственность и активность исламских экстремистов – показатель того, что в их глазах мир находится на критически важном историческом перекрестке: мусульмане или сохраняют свою религиозную и национальную идентичность, или в условиях глобализации потеряют ее под давлением Запада. Но одновременно они, во всяком случае их лидеры, чувствуют себя как бы творцами,демиургами будущего, ведомыми промыслом Божиим.

Хотя никто не знает, какую форму может приобрести будущее общество, сила фундаментализма заключается в его способности обещать радикальные перемены без уточнения их черт, без конкретики, так как Аллах считается гарантом будущего.

Кризисы идентичности, равнозначные цивилизационному надлому, происходили не раз в истории. Но когда-то это был процесс, растянувшийся на столетия. Сейчас ускорение всех событий многократно возросло, горение превращается во взрыв.